

ПОЭТ И ЦАРЬ

Как пытаются выселить Пушкина из дома на Мойке

Людно сегодня на Мойке, 12. Но на этот раз люди приходят не к Пушкину, не в его последнюю квартиру, а на выставку «Царственный Петербург». Надо отдать должное ее организаторам — деятелям экспериментально-творческого объединения «Анеллекс» при ЛО ВПТО «Союзтеатр», арендовавшим залы у дирекции Всесоюзного музея Пушкина. Они собрали среди коллекционеров Москвы и Ленинграда значительное количество предметов изобразительного и прикладного искусства двух веков. И с рекламой деловые люди не оплошали — телевидение, радио (правда, теле- и радиожурналисты в большинстве случаев стыдливо умалчивают, где разместились столь увлекательная экспозиция).

Содержание выставки вполне соответствует названию. Основу ее составляет внушительная галерея портретов российских монархов и членов императорской фамилии. Каждого — по несколько изображений, в живописи и графике. Петр I, Екатерина I, Алексей Петрович, Петр II, Анна Иоанновна, Елизавета Петровна и прочая, и прочая — вплоть до Николая II. Особенно много портретов Николая I, в одиночестве и с семьей, включая большой парадный портрет 1854 года... Здесь же литографированные листы В. Тимма, фотографии. Празднование 300-летия дома Романовых — торжественная постановка оперы «Жизнь за царя». К этому — соответствующее обрамление: царские автографы, фарфор, бронза, драгоценные украшения из дворцов и особняков двух столиц...

Красиво — ничего не скажешь! Красивы и виды «царственного» города, работы художников XVIII—XX веков, в большинстве широко известные. Только вот вовсе это не пушкинский Петербург и даже не Петербург пушкинского времени, как пытался нас уверить в своем телеинтервью директор музея Пушкина. Случайным добавлением к монаршим лицам и царственной роскоши представляются немногие скромные портреты деятелей науки и искусства — Ломоносова, Княжнина, Каратыгина, Семеновы, Грибоедова (может, потому что он был министром-посланником?). Не менее случайно присутствие здесь и самого Пушкина, представленного одним портретом, выполненным в масле, да двумя-тремя знакомыми всем гравюрами (одна из них трогательно соседствует с гравюрой, изображающей Дубельта — сына шефа III отделения). Как, зачем затесался в эту царственную компанию вечно опальный поэт? Не потому ли, что был пожалован в камер-юнкеры?

Против выставки как таковой трудно что-либо возразить. Она имеет право на существование как любая другая и найдет своего зрителя. Однако самый решительный протест вызывает ее адрес. Разве там, где умер Пушкин, — подходящее для нее место? Другого не нашлось?.. Да, этот дом знал и не такое. Известно, что в квартире Александра Сергеевича одно время помещалось III отделение собственной Е. И. В. канцелярии. Но пристало ли следовать подобным традициям?

Мы возвращаем храмам, посвященным в клубы, их истин-

ное назначение. А такое подлинно священное место, как последнее пристанище поэта, превращаем в выставочный зал, да еще наполненный экспонатами, присутствие многих из которых здесь порой неуместно, порой кощунственно.

Тысячи любопытных идут сейчас мимо квартиры поэта, мимо его кабинета, где он умер... Идут, чтобы взглянуть на роскошь «царственного Петербурга», на лики его властителей и хозяев.

Во имя чего сданы напрокат прекрасные залы дома Волконских? Ради выгодной коммерческой сделки, заманчивого барыша? Но ведь пушкинские музеи и без того не жалуются на отсутствие заинтересованных посетителей, готовых платить за вход. Главное же — забудем, что в ящиках лежит уникальная основная экспозиция всесоюзного музея. Почему же ее не открывают здесь, в этих залах? Мало места? Нельзя под одной крышей иметь два музея — монографический и мемориальный? Но это — досужие вымыслы. И места вполне достаточно, если использовать его с толком (в свое время был разработан подробный экспозиционный план в расчете именно на эти залы). И два таких музея, дополняющих один другой, — явление вполне закономерное, чему есть немало примеров. Взять хотя бы музеи Достоевского и Блока в Ленинграде.

Говорят, «Последняя квартира» психологически несовместима с монографической экспозицией. А с «царственным Петербургом» она совместима? Планы дирекции Всесоюзного музея Пушкина на размещение основной экспозиции в Александровском дворце по меньшей мере несерьезны. Пройдут годы и годы, потребуются миллионы, прежде чем это станет возможным. Да и не нужен этот дворец Пушкину, как и Пушкин этому дворцу. Александровский дворец должен стать тем, чем ему положено быть, — неотъемлемой частью Царскосельского музейного ансамбля. А Пушкину нужен свой дом, свой адрес, а именно — набережная Мойки, 12.

Десятки лет сотрудники музея Пушкина, научная и литературная общественность города вели тяжелую борьбу за освобождение и реставрацию дома Волконских с тем, чтобы он навсегда стал Домом Пушкина. Метр за метром отводили территорию. И вот теперь, когда мечты лучших людей нашей культуры осуществились, когда нынешние руководители музея получили все здание, восстановленное в его историческом облике, здание сдают напрокат деловым людям. Места Пушкину здесь не нашлось.

Закономерные возражения и протесты тех, для кого небезразлична судьба Дома Пушкина, не услышаны. Верх взяли соображения иного рода, коммерция потеснила культуру.

У дома на Мойке, 12 должен быть один хозяин — Пушкин. И идти в этот дом люди должны, как шли они сюда в трагические дни января 1837 года, как в тяжкие годы блокады, — трепетно. И с непокрытой головой.

А. ГОРДИН.

ЛЕНИНГРАД.